

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ГЕНДЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЯПОНЦЕВ С ЭТОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Марина Вячеславовна ЩЕПЕТУНИНА, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Специализация — этологические исследования гендерных отношений в странах Восточной Азии.

Применение этологического подхода к изучению гендерных стереотипов поведения позволяет выделить базисный набор врожденных поведенческих программ, на основе которых происходит формирование этнических стереотипов. При сравнении культур это дает возможность выявить факторы влияния на формирование стереотипов поведения у конкретных народов и прогнозировать тенденции их изменений.

С точки зрения этологии, науки о поведении, и культурная и биологическая эволюции являются единым процессом и имеют общие причинно-следственные связи. Следовательно, культурное и биологическое в человеке не противопоставлено, а взаимосвязано. Сегодня ученые приходят к пониманию, что поведение человека инициировано действием врожденных программ, которые передаются генетически и остаются неизменными из поколения в поколение на протяжении истории вида.

Таким образом, существование этнических стереотипов поведения, особенно таких, целью которых является выполнение человеком его основных биологических функций (добывание пищи, размножение, самозащита, а также поиск информации (Кууси, 1988), предопределено биологически.

Попытаемся проанализировать, как система межполового разделения ролей действует в сфере выполнения видом его основных биологических функций, а также рассмотрим процесс формирования и эволюции системы на примере гендерного поведения японцев, оценим роль врожденных программ поведения в формировании этнических стереотипов.

Проследим формирование этих стереотипов на двух фазах развития общества: охотников-собирателей и земледельцев. В качестве источника мы берем мифологию Японии.

Мифы позволяют нам говорить о периоде первого тысячелетия до н. э. — начала первого тысячелетия н. э., хотя в них могло найти свое отражение мировоззрение и более раннего населения. Мифы записаны в двух источниках — «Кодзики» и «Нихонги», которые датируются VIII в. н. э. Но сами тексты составлялись, конечно, гораздо раньше. В целом японские мифы можно отнести к двум периодам: Дземон (8000—500 лет до н. э.) и Яёй (300 г. до н. э. — 300 г. н. э.). В течение Яёй были активны миграции с материка, которые принесли на архипелаг бронзу и культуру рисосеяния (Кожевников, 1998). В мифах фигурируют бронзовые зеркала, мечи, а также боги рисовых колосьев. Однако в то время на территории Японии уже существовала достаточно древняя культура охотников-собирателей и ранних земледельцев — Дземон.

Таким образом, перед нами мифы, возникшие в обществе охотников-собира- телей и ранних земледельцев, и таковые, возникшие в период развитого земледелия. Взаимоотношения между полами в этих ХКТ (хозяйственно-культурных типах) дей- ствительно различны. В первом статус женщины значительно выше, так как именно она занимается собирательством и приносит в дом значительное количество угле- водной пищи; степень специализации гендерных ролей по сравнению с земледель- ческим обществом ниже. Земледелие — следующий этап культурной эволюции. Те- перь функция добывания пищи практически полностью становится мужской. Усиление значения функции защиты территории (при земледелии одна и та же кор- мовая территория используется длительный период времени), рост излишков и, сле- довательно, возникновение более сложных иерархических структур, с одной сторо- ны, и возрастание значения материнской функции (ведь семья земледельца обычно многодетна) — с другой, — все это вело к углублению гендерной специализации и уси- лению мужского доминирования в результате большей востребованности мужских ролей. И в мифе отражен процесс становления патриархальности, в основе которой лежит принцип адаптивности. Культурная традиция носит накопительный характер, ее функция — сохранение определенной группы, формирующей этнос, и ее особен- ностей. Культурная эволюция при помощи ритуалов, табу и иных социальных норм поведения закрепляет генетически обусловленные программы поведения. Этот про- цесс мы можем исследовать, основываясь на мифологии, некоторых письменных ис- точниках и сохранившихся до сих пор традициях.

Миф описывает следующую картину эволюции мира и изменения гендерных ролей. Сначала появляются бесполое боги, существующие сами по себе, ничего не создающие, ничего не порождающие. Однако имена этих богов свидетельствуют о том, что они представляют собой первичные силы творения и некоторые при- родные явления. Затем появляются пять пар богов, выполняющих лишь одну кос- могоническую функцию. И вот в рамках выполнения этой функции у бога Идза- наги и богини Идзанами посредством брачного обряда устанавливается система взаимоотношений, которая действует в мифах, а в жизни получает название пат- риархальной. Миф гласит, что инициатива должна принадлежать мужчине (Код- зики, 2000). Миф очень просто объясняет правомерность таких взаимоотношений — иначе система не будет работать и функция окажется невыполненной. В дальней- шем патриархальная система лишь развивается. Мы видим зависимость женщины от мужа: дева Нунакава-химэ говорит, обращаясь к своему жениху:

«Бог Яхитико!
Я всего лишь женщина,
Гнушаяся трава...» (Нихон Сёки. 1997. С. 57).

Миф фиксирует специализацию мужчины на выполнении функции самозащиты и управления, а женщины — воспитания потомства.

Посмотрим, как миф распределяет функции далее. Идзанаги и Идзанами в про- цессе творения мира породили множество различных богов и богинь, по именам ко- торых можно судить о том, какие функции им отводились. Мужскими божествами были практически все духи земли. Среди них Юноша-Бог Каменистой земли, Юно- ша-Бог Горных Ущелий и т. д. Можно предположить, что функция управления зем- лей, управления инь — мужская. Подтверждение этому мы находим в дальнейшем содержании мифа: Богиня солнца Аматерасу отправляет своего внука Ниниги-но Микото навести порядок на Тростниковой равнине (на земле) и управлять людьми.

Кроме многочисленных дев-богинь, имена которых совпадали с именами бо- гов-юношей (фиксация обычая определять статус женщины лишь статусом ее мужа), была рождена Дева-Богиня Великой Пищи. Это обстоятельство, как и дзёмонские фигурки догу, свидетельствует о связи культа плодородия с женским началом, а так-

же о том, что роль женщины в выполнении функции добывания пищи была велика, а сюжет относится к дземонскому пласту. Дева-Богиня Великой Пищи умирает, а на смену ей приходят божества Рисовых Колосьев, и функция добывания пищи становится преимущественно мужской. Можно предположить, что этот сюжет символизирует переход от культуры охотников-собираателей и ранних земледельцев Дземон к культуре развитых земледельцев Яёй, когда резко падает роль женщины в выполнении функции добывания пищи. В этот же период возрастает значение женщины-матери, так как у земледельцев семьи в основном многодетные.

Среди мужских богов мы видим духов всевозможных ремесел, огня и меча. Это, видимо, обозначает, что функция добывания пищи и самозащиты была мужской. В мифе отражено возникновение межполового разделения ролей и его эволюция до системы гендерного поведения. Мы видим становление системы патриархальных отношений, где мужчине отводится защитная функция, функция управления землей и добывания пищи. А женщина в этой системе, с одной стороны, мать и послушная супруга, а с другой — владычица неба и подземного мира, т. е. шаманка, разговаривающая с потусторонней силой.

О значении шаманок, кстати, мы можем судить уже по тому, что именно Ама-терасу — владычицу трех императорских регалий, символизирующих все жизненно необходимое: яшмовое ожерелье магатама, каждая бусинка которого выполнена в форме эмбриона — символ деторождения; бронзовое зеркало — символ солнца и меч. Иными словами, религиозная функция — в основном женская. Религия возникает на базе двух потребностей человека — в информационном развитии и в иерархическом поведении, а когда увеличивается акцент на иерархии, функция переходит к мужчине. И это закономерно, поскольку генетически обусловленная поведенческая программа построения иерархии четко проявляется у мужчины, но практически не проявляется у женщины. Так, мальчики строят иерархические системы, а девочки — нет (Дольник, 2000).

Мифология представляет нам модель мироустройства, систему человеческих взаимоотношений и распределения гендерных ролей исходя из целесообразности выполнения основных функций человека: добывание пищи, самозащита, размножение, поиск информации и как одно из средств её реализации — религиозная функция.

Изменения в системе гендерного поведения, базирующегося на врожденных поведенческих программах, происходят в результате смены экономической формации общества, которая может быть результатом внутреннего развития этноса или миграции. Культурная традиция закрепляет наиболее адаптивные из уже существующих стереотипов поведения. Так, самурайские ценности и конфуцианская идеология фиксируют уже сложившуюся ранее патриархальную систему гендерных отношений и соответствующее разделение гендерных ролей. Факторы, влияющие на изменение гендерного поведения, описаны в таблице 1.

В ходе эволюции система межполового разделения ролей возникает по поводу территориальности и, соответственно, агрессивного поведения, с одной стороны, и воспитания потомства — с другой. Первая функция становится мужской, вторая — женской. Поведенческие программы, закрепляющие такое разделение ролей, мы наблюдаем и у различных видов животных, в том числе — у приматов (Бутовская, Файнберг, 1993). Проекцию этой системы мы видим в человеческом обществе. Культурные традиции патриархальности соответствуют наследию филогенеза, кроме того, развитие рисосеяния у японцев способствовало их закреплению. Врожденные поведенческие программы никуда не исчезают, их действие может лишь усиливаться под влиянием среды, как это было у японцев в период развитой земледельческой культуры, или ослабевать, как это происходит сегодня в информационном обществе. Врожденные поведенческие программы служат основой для формирования этнических стереотипов гендерного поведения.

Гендерное поведение и факторы его эволюции

Основные биологические функции как условия существования поведения

Литература

1. Дольник Л. Непослушное дитя биосферы. СПб., 2002. 318 с.
2. Кодзики. Записи о деяниях древности. СПб., 2000. 608 с.
3. Кожевников В.В. Очерки древней истории Японии. Владивосток, 1998. 204 с.
4. Кууси П. Этот человеческий мир. М., 1988. 363 с.
5. Моррис Д. Голая Обезьяна. СПб., 2001. 269 с.
6. Нихон Сёки. Анналы Японии: В 2 т. Пер. со старояп. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова, науч. ред. В.Н. Горегляд. СПб., 1997. Т. 1, 2. (Лит. памятники Древней Японии).
7. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990. 240 с.
8. Бутовская, Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества. М., 1993. 253 с.
9. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. М., 1980. 151 с.

Summary: A post-graduate student of the Institute of History, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Marina Schepetunina in her article «Formation of Ethnic Stereotypes of Gender Behavior of the Japanese from Ethnological Point of View» states that the existence of ethnic stereotypes of behavior, especially such as getting food, reproduction, self-defense or search for information is determined in biological aspect. The author shows the process of formation and evolution considering gender behavior of the Japanese, gives an estimate to the role of inborn behavior programs in the process of forming ethnic stereotypes.